

structure of sentences generated by negative predicatives is analysed. An important role of negative items in the realization of modal meaning of impossibility, irrelevance and some evaluative meanings is proved.

Key words: negative predicate, adverb, negation, predicative function, modal meaning, the leading term of one-member sentence, predicate.

Ірина Герасименко
(Горловка)

УДК 811.161.1'371

СРЕДСТВА ОБЪЕКТИВИЗАЦИИ ЦВЕТА СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ КАК НАУКИ ГУМАНИТАРНОГО ЦИКЛА

В статье проанализированы подходы к решению вопроса о роле цветообозначений в трансляции информации, связанной с концептуализацией мира и социума, обозначены области гуманитарного знания, изучающие связь феномена цвета как важного элемента восприятия мира с его объективизацией в языке, рассмотрены проблемы цветовой номинации сквозь призму теорий эволюции цветового зрения, определены причины ограниченного состава цветообозначений по сравнению с широким спектром различаемых человеком цветов и оттенков. Был отмечено, что в языковых знаках как носителях обширного информационного потенциала особым образом преломляются цветовые восприятия, фиксируются универсальные и идиоэтнические ощущения, вызванные цветом. Наличие значительного количества работ, посвящённых соотношению феномена цвета, цветовосприятия и цветовой номинации, объясняется недостаточной разработанностью этой проблемы. Комплексное рассмотрение данных вопросов позволяет определить причины использования каждого ЦО для вербализации не единичного цвета, а некоторой цветовой группы.

Ключевые слова: цветообозначение, цвет, цветовосприятие, гуманитаристика, объективизация цвета.

Постановка проблемы. Цвет объективизируется в языке посредством цветообозначений (далее – ЦО). Эта группа слов вызывает интерес у исследователей, изучающих механизмы категоризации человеком окружающего мира. Внимание гуманитаристики в целом и лингвистики в частности к категории цвета, феномену цветовосприятия и средствам его языковой объективизации обусловлено самой жизнью, развитием общества. В языковых знаках как носителях обширного информационного потенциала особым образом преломляются цветовые восприятия, фиксируются универсальные и идиоэтнические ощущения, вызванные цветом.

Анализ последних исследований и публикаций. Категория цвета, феномен цветовосприятия и ЦО как проблема гуманитаристики рассматриваются с этнографической и историко-культурной точек зрения (У. Гладстоун, Л. Гейгер), с позиций физиологии (Г. Магнус), археологии (К. Леви-Строс), астрономии (В. В. Богданов), когнитологии (А. Вежбицкая), со стороны универсального (Б. Берлин, П. Кей) и идиоэтнического (Ю. А. Сорокин, А. И. Белов) подходов. Этот вопрос исследуется в аспекте этнической ментальности и национально-культурной маркированности (Л. Г. Невская, Е. В. Гулянков), что вызвано пониманием языка как модели культуры. По сути, категории цвета, феномену цветовосприятия и ЦО посвящено значительное количество работ гуманитарного цикла, что объясняется, на наш взгляд, недостаточной разработанностью этой проблемы.

Актуальность работы. Комплексное рассмотрение подходов разных областей гуманитарного знания, в числе которых и лингвистика, к соотношению цвета, цветовосприятия и ЦО позволит приблизить нас к пониманию специфических черт ЦО как единиц языкового выражения цвета. **Цель статьи** – анализ подходов и путей их решения к роли ЦО в трансляции информации, связанной с концептуализацией мира и социума. Цель исследования определяет постановку следующих **задач**: обозначить области гуманитарного знания, изучающие связь феномена цвета как важного элемента восприятия мира с его объективизацией в языке; рассмотреть проблему цветовой номинации сквозь призму теорий эволюции цветового зрения;

очертить причины ограниченного состава ЦО по сравнению с широким спектром различаемых человеком цветов и оттенков.

Освещение основного материала исследования. Интерес к изучению средств вербализации цвета в русле гуманитарных знаний наметился только в к. 19 – н. 20 вв. в связи с появлением этнографического и историко-культурологического направлений и, как следствие, с открытием европейскими этнографами у аборигенных племён значительного своеобразия мира цвета. Так, в то время как учёные пытались представить сущность цветов с точки зрения физиологии и физики, представители гуманитарных наук трактовали вопросы, связанные с происхождением цвета и названий цветов с точки зрения этнографии. В частности, У. Гладстоун и Л. Гейгер предположили, что «архаичные» народы, в том числе и древние греки, изначально не имели цветового зрения, были цветослепыми. В качестве аргумента приводится факт, что в древнегреческом языке имели место слова, которые не обозначали отдельные цвета, а только их светлые и тёмные оттенки. В основе этого мнения лежит анализ использования Гомером названий цветов. Так, У. Гладстоун [22] указывал, что набор ЦО в древнегреческом языке резко расходится с тем, который имеет место в современных языках. Например, у древних греков самые обычные, с нашей точки зрения, определения *голубое небо, зелёная трава, синее море* отсутствуют. Гомер не наделяет эпитетами цвета море и траву, «никогда не называет небо голубым» (здесь и далее перевод мой. – И. Г.) [22, р. 150], цвет же воды, земли, облака, железа он описывает одинаково как чёрный. Те тёмные цвета, которые в современных языках обозначаются словами, соответствующие русским *синий, зелёный* и *чёрный*, могли выражаться в языке Гомера одним словом *χρᾶνος*, а те, которые ныне воспринимаются как светлые и обозначаются словами *жёлтый* и *зелёный*, в его языке закреплены за лексемой *χλωρος*. Аналогичные примеры из латинского, санскрита, древнекитайского языков приводит Л. Гейгер [21]. Автор обращает внимание на то, что в Ведах и Библии, несмотря на частые упоминания о небе, ни разу не назван его цвет, нигде оно не охарактеризовано с помощью ЦО.

Причины данного явления исследователи видели в биологических особенностях древних народов и в уровне материального производства. У. Гладстоун, которого считают создателем лингвистики ЦО, выдвинул тезис об эволюционных возможностях человека воспринимать цвет [22]. В свою очередь его последователь физиолог Г. Магнус [24], поддерживающий эту точку зрения и дополнивший её материалами о названиях цветов у современных ему племён и народов, предложил так называемую «историко-физиологическую» теорию эволюции цветового зрения. Согласно этой теории существует пять стадий развития цветовосприятия, причём свое полное развитие данный физиологический аппарат получает лишь у высококультурных народов Европы. По мнению автора, для первой стадии характерна полная цветовая слепота, первобытные люди были монохроматами. Для второй стадии присуще отделение цветочувствительности от светочувствительности, различение красного цвета от ахроматичных. На третьей стадии появляется ощущение жёлтого цвета, но синий и зелёный ещё не различаются. На четвертой стадии происходит ощущение зелёного цвета, а синий всё ещё смешивается с чёрным. И, наконец, на пятой стадии возникает ощущение синего и, соответственно, различаются отображённые в языке четыре цвета. Г. Магнус считал, что, например, греки Гомеровской эпохи стояли на третьей стадии развития.

Выводы в отношении небольшого количества ЦО У. Гладстоун и его последователи связывали и с развитием цветового зрения, которое, по их мнению, вырабатывалось в процессе приспособления к природной среде, и с примитивностью хозяйственного уклада жизни, при котором человек использовал только наиболее общие определения цвета и не нуждался в детальном описании тонких цветовых оттенков. В результате было сделано заключение, что человеческие возможности в области восприятия цвета развивались на протяжении веков от однотонного видения мира до цветного.

Проблема этнографическая и историко-культурная была сведена, таким образом, к биологической, что в последующем направило исследование в русло офтальмологии, невропатологии и других отраслей медицины. В результате обследования коренных жителей ряда колониальных тогда территорий, мнение об «историческом развитии» цветоощущений и

изменении цветового зрения вызвало возражения, дало толчок к научной дискуссии о развитии или изначальном наличии человеческих возможностей в области восприятия цвета.

Учёные различных школ и направлений приводят серьезные доказательства в пользу дихроматизма древних и ищут объяснения этого явления в фактах языка, а не цветовосприятия, что, на наш взгляд, было бы вполне закономерно. Так, отрицательно о данной концепции высказался Г. Гельмгольц, против неё выступили филологи, в числе которых В. И. Шерцль, Ю. С. Степанов, Ф. Ф. Петрушевский, Ф. Н. Шемякин, Н. Ф. Пелевина, А. М. Панченко и др. В частности, В. И. Шерцль считал, что «недостаточность и сбивчивость обозначения цветов в языках не дает нам ещё никакого права предполагать соответствующую недостаточность перцепции у самого народа» [19, с. 5], отсутствие разветвлённой системы ЦО связано, по мнению учёного, с «недостатком абстрактных слов в таких языках» [19, с. 5]. Согласно точке зрения другого лингвиста – Ф. Н. Шемякина, предположение о том, что система цветового зрения народов древности, живших примерно три или четыре тысячи лет тому назад, было монохроматической или дихроматической, «лишено всякой вероятности» [18, с. 36]. Учёный полагает, что теория У. Гладстоуна и его последователей влечёт за собой допущение, что «за этот короткий исторический срок в сетчатке возникли все её цветовоспринимающие аппараты или хотя бы один из них. Нет никаких оснований полагать, что у народов древности произошла такая коренная биологическая перестройка глаза и его работы, которая впервые породила нормальное цветовое зрение» [18, с. 36]. Эту точку зрения поддерживает А. М. Панченко и выдвигает мысль, согласно которой «нормальное цветовое зрение является присущим всему человеческому роду без различия рас, всегда и всюду общеврождённым и в одинаковой мере развитым свойством и [...] поэтому все люди обладают полностью однородным цветовым восприятием и всегда обладали им» [9, с. 4].

Мнение о цветовой слепоте древних опровергается и учёными, изучающими сохранившиеся с тех времён произведения искусства и ремесла, создание которых требовало полноценного умения различать цвета. По этому поводу Ф. Ф. Петрушевский пишет: «Археологические изыскания открыли в Греции и Египте остатки окраски древнейших зданий и некоторых вещей, а в их числе красок – зелёную и синюю, иногда обе, а иногда одну из них; подобное этому открыто в Ассирии и Вавилонии» [10, с. 319]. Керамика, мозаика и стенная живопись народов древности, действительно, обнаруживает, что они различали все цвета и не смешивали их так, как это имеет место при дихроматизме и, тем более, цветовой слепоте. В частности, «древние египтяне, – указывает Ф. Н. Шемякин, – всегда изображали траву, воду и животных красками, соответствующими их подлинному цвету, никогда не путали цветов. Не путали цветов также мастера и в древних цивилизациях Мексики и Центральной Америки» [18, с. 36].

Есть семиотическое объяснение данного феномена, согласно которому «языковое различие и обозначение красок внешнего мира (макрокосма) наступает тогда, когда в своём внутреннем мире (микрокосме) человек начинает тонко разграничивать состояния духа» [14, с. 139]. Это различие, по заключению автора, приходит позже, не с эпосом, а с лирикой. В качестве доказательства Ю. С. Степанов приводит факт превалирования в Древней Греции эпоса, называя, в частности, Гомера не лирическим, а эпическим поэтом. В этой связи французский специалист по цветовосприятию древних Ив Ле Гранд писал, что в визуальных процессах у «примитивных» народов не обнаружено существенных различий по сравнению с «цивилизованными» этносами: «На основе того, что известно сегодня, у первобытных племён нельзя установить различия с нашим зрением» [23, р. 85].

По сути, причины отсутствия широкого состава средств вербализации цвета в языке древних народов лингвисты усматривают не в их цветовой слепоте, которую отрицают, а в других фактах. Данное заключение наталкивает нас на поиск решения вопроса о наличии амбивалентности и взаимозаменяемости ЦО в ресурсах собственно языка. Ответ необходимо искать, как нам кажется, в объёме словарного состава древних народов: вследствие его малочисленности всё цветное (окрашенное), противопоставляясь светлому, исходно воспринималось как тёмное, соответственно, различалось, но не наделялось отдельными словами. Впоследствии разные «цветовые» значения, ввиду ограниченного количества лексических единиц, фиксировались в одном ЦО (что закрепилось, например, в семантике

русской лексемы *синий*, обозначающей в определённых контекстах не только синий, но и зелёный цвет; ср.: *На осине листик синий*, / *На берёзе не такой* [17, с. 353]). С появлением разветвлённого состава ЦО “цветовые” значения были зафиксированы в семантике отдельных слов (например, значение ‘синий’ – в лексеме *синий* и значение ‘зелёный’ – в адъективе *зелёный*). Это привело к использованию не только одних и тех же лексических единиц для описания разных спектральных значений, но и закреплению за разными словами близких “цветовых” значений. Ср.: *Высокое озеро*, / *Синее озеро* / *Молча лежит*. / *Зелено-косматое* / *Спячкой измятое*, / *В воду глядит* (С. Городецкий).

Одна из проблем категории цвета, феномена цветовосприятия и ЦО, которой традиционно занимается гуманитаристика, является проблема универсального и относительного в вербализации цвета. В решении этого вопроса существует два подхода. Сторонники первого (Б. Берлин, П. Кей, Ч. Макдениэл, Э. Рош и др.) настаивают на универсальности категории цвета и его вербальных средств. Так, в [20] проводится мысль о том, что а) цвет представляет собой семантическую универсалию; б) его характеризуют независимые признаки – оттенок (*hue*), яркость (*brightness*) и насыщенность (*saturation*); в) основными ЦО признаются Базовые Цветовые Термины (*Basic Color Term*); г) количество универсальных Базовых Цветовых Терминов ограничено – их 11, и они в определённой последовательности возникают в эволюции языка. Базовый Цветовой Термин, по мнению исследователей, должен отвечать следующим критериям: а) быть моноксемой, т. е. однокорневым (например, англ. *green*, *red*); б) его сигнификация (значение) не должна включаться ни в какой другой цветовой термин (как, например, англ. цвет *scarlet* является оттенком *red*); в) его использование не должно ограничиваться узким классом объектов (как, например, англ. *blond*, с помощью которого описывают только волосы и деревья); г) он должен быть опознаваемым информантами (ср. англ. *yellow* и *saffron*); д) недавние заимствования не должны включаться [20, р. 37].

Критерий семантической универсальности Базовых Цветовых Терминов для народов различных этносов был проверен Б. Берлином и П. Кеем на материале 98 языков различных групп и семей и верифицирован на материале словарей, этнографических источников, с помощью информантов, что позволило выявить наличие в них неких доминант, фокусов базисного цвета. По мнению учёных, существующие 11 универсальных понятийных категорий цвета (*colour categories*) соответствуют английским основным ЦО *black*, *white*, *red*, *green*, *yellow*, *blue*, *purple*, *pink*, *orange*, *brown*, *grey*. Кроме Базовых Цветовых Терминов, каждый язык имеет неопределённо большое число лексических единиц, которыми обозначают цвета (например, англ. *crimson*, *blue-green*, *bluish*, *lemon-colored*, *the color of my aunt's chevrolet* и многие др.) [20, р. 5]. В случае наличия в языке меньшего количества Базовых Цветовых Терминов близкие по “цветовой” актуализации слова примыкают к Базовому Цветовому Термину. При этом первыми ЦО во всех языках были термины, различающие «светлое» и «тёмное», что закономерно наводит на мысль, что на ранних этапах развития языка тёмные и светлые цвета не имели для их номинации отдельных лексем, а с появлением таковых, слова, обозначающие «тёмное» и «светлое», синонимизировались и взаимозаменялись носителями языка. Таким образом, исследование Б. Берлина и П. Кея поставило вопрос о наличии универсального состава ЦО и об их исконной семантике.

Другой сторонник универсального подхода к категории цвета, феномену цветовосприятия и ЦО Э. Рош [25], отталкиваясь от выводов Б. Берлина и П. Кея, создала теорию прототипов и простейших категорий. Лингвист, проверяя данные о Базовых Цветовых Терминах на материале языка народности дани (Западная Новая Гвинея), обнаружила, что здесь существует лишь два основных ЦО – слово *mili*, называющее чёрный, зелёный, синий цвета, и лексема *mola*, обозначающая белый, красный, жёлтый цвета. При этом народность дани в качестве фокального каждый раз выбирает разный цвет [25, р. 40]. Полученные данные послужили введению в научный оборот широкоизвестного сегодня понятия «естественного прототипа». Используя этот подход, Э. Рош относит цветовые категории к числу градуальных с различными границами и центральными членами. Более того, исследовательница считает, что прототип, или наиболее яркий элемент категории, не является контрольным списком условий, он заложен в человеческом мышлении рождения, и мы воспринимаем его как данность. Этот вывод Э. Рош способствовал

выдвижению гипотезы о том, что нейрофизиология цвета детерминирует постепенную эволюцию развития понятия цвета у представителей различных этносов, и подтвердил существующее мнение о дихроматизме примитивных народов. Однако материал Э. Рош не помог его автору объяснить небольшое количество ЦО фактами языка.

В русле идей Б. Берлина и П. Кея выполнены исследования А. П. Василевича. В них речь идёт о том, что имеет место совпадение ЦО в русском, узбекском, английском, немецком, французском, амхарском языках (Эфиопия), языке бамана (Мали) [2]. Проведя ряд экспериментов, в которых с помощью цветообразцов и слов-стимулов определялись способы передачи цветоощущений, исследователь приходит к заключению, что существует «безусловная близость» языков «в характере восприятия цветового пространства» [2, с. 64]. При этом автор резко выступает против выдвигаемого последователями теории Сепира-Уорфа тезиса о «бедности» системы ЦО в некоторых языках. А. П. Василевич полагает, что «подобный ход мыслей является следствием весьма поверхностного понимания тезиса» о выражении цвета при помощи слов [2, с. 59]. Автор настаивает, чтобы анализ системы ЦО проводился не только в пределах базовых имён цвета, но и с учётом терминов, обозначающих оттенки. «В так называемых бедных языках, – пишет лингвист, – есть способы передавать множество цветоощущений, коль скоро носители этих языков способны различать соответствующие оттенки» [2, с. 60].

В настоящее время в оборот исследований по универсализму ЦО вовлечено уже несколько сотен языков, в том числе языки Центральной Америки, Африки, Новой Гвинеи и др. По мере расширения эмпирической базы этих наблюдений становится понятно, что универсальная схема, предложенная Б. Берлином и П. Кеем, не объясняет всего разнообразия фактов. Как следствие, в более поздних исследованиях этих авторов, а также в работах других учёных, содержится немало уступок лингвистическому релятивизму.

Концепция культурного релятивизма, у истоков которой стояли Э. Сепир и Б. Уорф, основана на положении, что существующая в сознании человека система понятий, а, следовательно, и существующий логический строй его мышления (этническая ментальность) определяются тем конкретным языком, носителем которого этот человек является. Характер познавательной деятельности зависит от языка, на котором мыслит познающий субъект. Соответственно, «сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или по крайней мере при соотносительности языковых систем» [16, с. 175]. Поскольку разные языки обладают различающейся номенклатурой лексических и грамматических средств, у разных народов существует разное «видение» мира, обусловленное соответствующим языком. Б. Уорф пишет: «Мы расчлняем мир, организуем его в понятия и распределяем так, а не иначе в основном потому, что мы – участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определённого речевого коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка» [16, с. 174–175]. Основной тезис гипотезы – разные языки сегментируют действительность по-разному. «Мир, в котором живут общественные образования, говорящие на разных языках, – указывает Э. Сепир, – представляет собой различные миры, а не один и тот же мир с различными этикетками [...]. Язык является замкнутой системой символов, [...] которая в действительности определяет для нас опыт в силу своей формальной структуры [...]; мы бессознательно переносим установленные языком нормы в область опыта» [26, р. 578]. Это означает, что ЦО вербализуют цветовосприятие, что осмысление цветового пространства зависит от особенностей языка данной общности людей, что наименование цветов определяется уровнем развития общества и структурой языка, который детерминирует человеческие структуры мышления и поведения. В результате в одних языках есть семь основных (однословных) наименований цветов радуги (например, в русском, белорусском), в других – шесть (в английском, немецком), где-то пять или четыре (в языке шона в Родезии), а где-то два (в языке басса в Либерии). Не случайно последователь данной теории Ю. А. Сорокин замечает: «Давно известно, что обозначение цвета – та точка, в которой отчётливо ощутимо различие в «видении мира» как в истории развития одного народа, так и между отдельными народами» [13, с. 171–172]. Эти исследования нацелены на

подтверждение следующего факта: языковые способы, которыми обозначаются цвета, представляют итог чувственного познания мира и отображают свойства национального менталитета.

Сторонники теории лингвистической относительности, настаивая на национально-культурной специфичности языков, не опровергают и их универсальных черт, что можно поставить им в заслугу. Так, в исследованиях, выполненных в русле лингвокультурологии, обращается внимание на типологические составляющие, релятивизм и универсализм в них одинаково представлены. К числу таких работ относится исследование А. И. Белова [1], в котором описываются «национально-специфические особенности цветообозначений на материале русского и финского языков / культур» [1, с. 49]. Автор заключает, что наличие цветовых лакун и цветовых предпочтений в рассматриваемых им языках указывает на специфику каждой этнической культуры, и с этим выводом трудно не согласиться. Трудно не согласиться и с заключением лингвиста в отношении того, что наряду со спецификой этнических культур, воплотившихся в цветовых предпочтениях, имеет место и цветовой универсализм [1, с. 57]. Такой межязыковой универсализм проявляется, по мнению А. И. Белова, например, в коннотациях слова *белый* как речевого актуализатора цвета снега, молока, соли, и «ассоциантов 'небо' и 'море' ЦО *синий*» [1, с. 54, 52].

Надо сказать, что к компромиссным с позиций определения универсальных и относительных черт ЦО в различных языках относится и подход И. В. Макеенко [7]. Автор, исследуя семантику ЦО в русском и английском языках, принимает во внимание тот факт, что ЦО по составу, системной типологизации, функциональным качествам отображают универсальные свойства языков. Однако лексемы, называющие цвет, выражают и национальную специфику, которая, по мнению учёного, касается «особенностей словообразования, сочетательных свойств, способности к развитию полисемии, частотности разных групп цветообозначающей лексики, их стилистических признаков, авторского своеобразия» [7, с. 3]. Подобные исследования подтверждают мысль о том, что ЦО в разных языках обладают общими чертами (что, по нашему убеждению, кроется в исконной семантике данного класса слов) и имеют специфические характеристики в структуре и сочетаемости.

Четкую взаимосвязь ментальности и цветовосприятия обосновывает А. Вежбицкая [3]. Рассматривая ЦО с позиций когнитивной семантики, автор придерживается мнения, что физиология цветового восприятия («видения») во всех языках едина, а цветовая концепция для носителей разных культур неодинакова. «То, что происходит в сетчатке и мозгу, не отражается непосредственно в языке», – считает лингвист [3, с. 238–239]. Исследовательница заключает, что названия цветового спектра не универсальны для разных языков и культур. В качестве доказательства лингвист приводит аргумент, что в некоторых культурах вообще не существует понятия «цвет». В то же время А. Вежбицкая предлагает выделять «универсалии зрительного восприятия», к числу которых относит: а) время, когда человек видит (день) и когда он не видит (ночь), что позволяет выделять человеку светлые и тёмные предметы; б) фон (окружение) как основа при любом описании зрительного восприятия. Таким фоном может быть «небо (обычно – синее), земля (обычно – коричневая), трава (обычно – зелёная), солнце (обычно – жёлтое и блестящее), море (обычно тёмно-синее), широкие снежные просторы (в норме – белые)» [3, с. 233]; в) сравнение (чаще всего понятие подобия) в передаче зрительных ощущений, что, к примеру, относится к слову *золотой* (ср. золотой как цвет в выражении *золотые волосы* и как качество в сочетании *золотое кольцо*). По сути, А. Вежбицкая с помощью данной классификации пытается систематизировать ЦО и определить, почему и как человек выбирает то или иное имя цвета.

В рамках теории лингвистической относительности имеет место ещё один аспект исследования ЦО – гендерный. Так, проводя мысль о том, что каждая этническая культура конструирует единый для всех цветовой спектр по-своему, лингвисты считают, что «существенные различия в способах освоения цветового спектра обнаруживаются не только между культурами, но и внутри каждой из них по критерию пола» [11, с. 386]. Рассматривая источники восприятия цвета и анализируя способы формирования цветового образа, Л. В. Самарина, в частности, заключает, что «мир женщины гораздо богаче цветом, чем мужской» [12, с. 387]. Этим, по мнению автора, и вызваны отличия в выборе средств, обозначающих цвет, в идиостилиях мужчины и женщины.

С начала 20 в. проблема соотношения категории цвета, феномена цветовосприятия и ЦО рассматривается с позиций антропологии. Стала учитываться специфика отражения процессов окружающего мира в индивидуальном сознании человека, схемы хранения знаний о мире, взаимодействие языковых и энциклопедических знаний и преломление их через призму вырабатываемой в социуме системы норм, оценок и эмоционального опыта индивида. К значимым концепциям этого направления относятся работы В. У. Тэрнера и К. Леви-Строса. Так, изучая цветовую классификацию примитивных языков, В. У. Тэрнер заключает, что цвета являются не просто «различиями в зрительном восприятии разных частей спектра; это сокращённые или концентрированные обозначения больших областей психобиологического опыта, затрагивающих как разум, так и все органы чувств» [15, с. 103]. В свою очередь К. Леви-Строс исследует хроматизм цветов на основе ассоциативных связей со звуками и считает, что подобный подход не только раскрывает «важные аспекты в лингвистике с психологической и теоретической точки зрения [...]», но ведёт нас к рассмотрению структуры мозга» [5, с. 86–87]. Языковеды-антропологи выходят за рамки психологического объяснения лингвистического материала, они смотрят на него через призму ментальности народа, его культурных корней. ЦО «как одна из древнейших систем, включающая в себя разные стороны человеческого сознания, в центре подобных исследований» [4, с. 151–152]. Соответственно, в отечественной и зарубежной науке есть работы, посвящённые интерпретации семантики ЦО в языке фольклора с учётом данных этнографии и археологии (см., например, работы А. Т. Хроленко, Т. Е. Никулиной, Л. Г. Невской, Л. Раденковича, С. В. Супряги, О. И. Уляшева и др.). Анализируя ориентированные на мифопоэтическую семантику тексты, учёные пришли к выводу, что они построены «с учётом основных семиотических оппозиций» [8, с. 161], соответственно, в их семантической структуре имеют место «неявные и немотивированные с точки зрения обычного толкования смыслы» [8, с. 161]. Лингвисты пытаются определить особое символическое значение ЦО, которое кроется в исконной семантике данных слов, и вычленили их первичные значения.

В последнее время определение исконной семантики лексического состава языка (в том числе и ЦО) проводится с учётом получившей распространение идеи о зарождении человеческой истории в северной части земного шара. Прошлое бытие северных (а значит, и русского) народов, которое уже описано с позиций археологических, астрономических, этнографических, мифологических и других наблюдений (см. работы В. В. Богданова, В. Н. Дёмина, У. Ф. Уоррена, А. В. Тулупова, А. Хомякова и др.), проходило на Крайнем Севере в условиях «чёрно-белого» года, т. е. времени, определённая часть которого была занята полярной ночью, и ином (более благоприятном), нежели сейчас, климате. В связи с этим, учёные полагают (см., например, работы Н. А. Луценко), что северное происхождение человеческой истории предопределило конкретное содержание ряда языковых единиц, в том числе и ЦО. Заслуживает внимания и теория В. Н. Татищева, Э. Шюре, В. В. Макаренко о полярной прародине славян, локализованной не на Северном, а на Южном Полюсе, в Антарктиде, которая «была не только свободна ото льда, но и была пригодна для жизни» [6, с. 135]. Считается, что «индоевропейская цивилизация распространяется с юга на север» [6, с. 149], соответственно, «славяне появились в Европе из других стран» [6, с. 11]. Безусловно, присутствующее и на Северном, и на Южном Полюсе северное сияние, смена полярных ночи и дня, сезонные изменения цветов природной среды, наблюдение над солнцем, отличие лунного света от солнечного, изменение цвета воды и неба в разных состояниях и условиях далеко не безразличны для формирования ЦО (как, наверное, и мировоззрения в целом), они могли влиять на семантику данной группы слов, вызывать их взаимозаменяемость и амбивалентность. Поэтому целесообразно рассматривать языковые данные с учётом того, что мрак как первозданное состояние всего сущего мог быть не только частью бытия и источником света, но и фактором глоттогенеза.

Выводы исследования и перспективы дальнейшего научного анализа. Итак, категория цвета, феномен цветовосприятия и ЦО являются предметом изучения разных областей гуманитарного знания. Языковые средства объективизации цвета входят в круг актуальных лингвистических проблем. Однако решение проблем соотношения категории цвета, феномена цветовосприятия и языковых средств их объективизации обуславливает многоаспектное изучение ЦО, их структурно-грамматических, лексико-семантических и функциональных

характеристик, що і буде предметом нашого дальнішого розгляду. При дослідженні даного кола питань цілесловесно улічувати полісемантичність, амбівалентність і взаємозамінюваність слів, позначаючих колір.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белов А. И. Цветовые этноэидемы как объект этнопсихолінгвістики / А. И. Белов // Этнопсихолінгвістика / [Сорокін Ю. А., Марковина И. Ю., Крюков А. Н. и др. ; отв. ред. и авт. предисл. Сорокін Ю. А.]. – М. : Наука, 1988. – С. 49–58.
2. Василевич А. П. Язык и культура: сопоставительный анализ группы слов-цветообозначений / А. П. Василевич // Этнопсихолінгвістика / [Сорокін Ю. А., Марковина И. Ю., Крюков А. Н. и др. ; отв. ред. и авт. предисл. Сорокін Ю. А.]. – М. : Наука, 1988. – С. 58–64.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Анна Вежбицкая; [пер. с англ.] ; отв. ред. М. А. Кронгауз ; вступ. ст. Е. В. Падучевой. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
4. Гулянков Е. В. Этническое своеобразие русской народно-песенной лексики (в сопоставлении с лексикой французских народных песен) : дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01; 10.02.19 / Е. В. Гулянков. – Курск, 2000. – 255 с.
5. Леви-Строс К. Структурная антропология / Клод Леви-Строс; [пер. с франц.]. / под ред. и с примеч. Вяч. Вс. Иванова. – М. : Наука, 1985. – 535 с.
6. Макаренко В. В. Потерянная Русь. По следам утраченной истории / В. В. Макаренко. – М. : Вече, 2008. – 496 с.
7. Макеенко И. В. Семантика цвета в разноструктурных языках. Универсальное и национальное : дис. ...канд. филол. наук : 10.02.19 / И. В. Макеенко. – Саратов, 1999. – 258 с.
8. Невская Л. Г. Пёстрое в системе фольклорных атрибутов / Л. Г. Невская // Балто-славянское причитание : Реконструкция семантической структуры. – М. : Наука, 1993. – С. 161–184.
9. Панченко А. М. О цвете в древней литературе восточных и южных славян / А. М. Панченко // Труды Отдела Древней литературы / Ин-т русской лит-ры. – СПб. – 1968. – Т. 23. – Вып. 13. – С. 3–15.
10. Петрушевский Ф. Ф. Цветовые ощущения древних и новых народов / Ф. Ф. Петрушевский // Вестник изящных искусств. – Т. 7. – Вып. 4. – 1889. – С. 297–330.
11. Роу К. Концепция цвета и цветовой символизм в древнем мире / К. Роу // Психология цвета. Сб. пер. с англ. – М. : Рефл-бук, Ваклер, 1996. – С. 7–46.
12. Самарина Л. В. Особенности женского цветовосприятия в традиционной культуре / Л. В. Самарина // Женщина и свобода : пути выбора в мире традиции и перемен : материалы междунар. конф. 1993 г. – М. : Наука, 1994. – С. 384–390.
13. Сорокин Ю. А. Роль этнопсихологических факторов в процессе перевода / Ю. А. Сорокин // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М. : Наука, 1977. – С. 166–174.
14. Степанов Ю. С. Семиотика / Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1971. – 145 с. – (АН СССР ; Ин-т языкознания).
15. Тэрнер В. У. Проблема цветовой классификации в примитивных культурах (на материале ритуала ндембу) / В. У. Тэрнер // Семиотика и искусствоведение : сб. переводов / сост. и ред. Ю. М. Лотмана и В. М. Петрова. – М. : Мир, 1972. – С. 50–81.
16. Уорф Б. Л. Наука и языкознание / Б. Л. Уорф ; [перев. с англ. и франц.]. // Новое в лингвистике : сб. ст. / сост., ред. и вступ. статьи В. А. Звегинцева. – Вып. 1. – М. : Изд-во иностр. лит., 1960. – С. 169–182.
17. Чапушки / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова]. – М. : Сов. Россия, 1990. – 656 с.
18. Шемякин Ф. Н. К вопросу об отношении слова и наглядного образа (цвет и его названия) / Ф. Н. Шемякин // Изв. Академии Пед. Наук РСФСР. – 1960. – Вып. 113 : Мышление и речь / [отв. ред. Ф. Н. Шемякин]. – М. – С. 5–48.
19. Шерцль В. И. Названия цветов. Символизм цветов / В. И. Шерцль // Филологические записки. – Вып. II–III. – 1884. – Воронеж. – С. 1–70.
20. Berlin B. Basic Color Terms : their Universality and Evolution / B. Berlin, P. Kay. – Berkeley ; Los Angeles : Un-ty of California Press, 1969. – 178 p.
21. Geiger L. Vorträge zur Entwicklungsgeschichte der Menschheit / L. Geiger. – Stuttgart; 1871. – P. 45–60.
22. Gladstone W. E. Homer / by the right home / W. E. Gladstone. – London : Macmillan, 1878. – 153 с.
23. Grand Y. Le. Couleur et perception / Y. Le Grand // Journal de psychologie. – 1961. – 58. – P. 266.
24. Magnus H. Über ethnologische Untersuchungen des Farbensinnes / H. Magnus. – Berlin, Habel, 1883. – 36 s.
25. Rosch E. Prototype classification and logical classification : The two system / E. Rosch // New trends in cognitive representation : Challenges to Piaget's theory. – Hillsdale (N.J.). – 1983. – P. 73–86.
26. Sapir E. Conceptual categories in primitive language / E. Sapir // Science. – 1931. – Vol. 74. – P. 578.

Герасименко І. Засоби об'єктивізації кольору крізь призму сучасної лінгвістики як науки гуманітарного циклу.

У статті проаналізовано підходи до вирішення питання про роль кольоропозначень у передачі інформації, пов'язаної з концептуалізацією світу й соціуму, визначено області гуманітарних знань, що вивчають зв'язок феномена кольору як важливого елемента сприйняття світу з його об'єктивізацією в мові, розглянуто проблеми колірної номінації крізь призму теорії еволюції колірної зору, визначено причини обмеженого складу кольоропозначень у порівнянні з широким

спектром кольорів та відтінків, що розрізняються людиною. Було відзначено, що в мовних знаках як носіях широкого інформаційного потенціалу особливим чином відбиваються колірні сприйняття, фіксуються універсальні та ідіоетнічні відчуття, викликані кольором. Наявність значної кількості робіт, присвячених співвідношенню феномена кольору, кольоросприйняття та колірної номінації пояснюється недостатньою опрацьованістю цієї проблеми. Комплексний розгляд цих питань дозволяє визначити причини використання кожного кольоропозначення для вербалізації не одиничного кольору, а певної колірної групи.

Ключові слова: кольоропозначення, колір, кольоросприйняття, гуманітаристика, об'єктивізація кольору.

Gerasimenko I. Ways of Colour Objectivation in the Light of Modern Linguistics as Humanitarian Cycle Science.

The article analyzes the approaches to the solution of a problem concerning the role of colour terms in the transferring of information connected with the world and society conceptualization, determines the spheres of humanitarian knowledge that study the connection of colour phenomenon as a main element of world perception with its objectivation in the language, considers the problems of colour nomination in the light of the colour vision evolution theory, defines the reasons of a restricted number of colour terms in comparison with a wide spectrum of colours and hues distinguished by a person. It was pointed out that in language signs as representatives of vast information potential, colour perceptions are specifically reflected, universal and idioethnical perceptions generated by colour are fixed. A considerable number of works devoted to the correlation of colour phenomenon, colour perception and colour nomination is explained by a lack of research works in this sphere. A complex consideration of the mentioned questions makes it possible to define the reasons of each colour term usage for verbalization of not a single colour, but some colour group.

Key words: colour term, colour, colour perception, humanitarian science, colour objectivation.

Інна Завальнюк
(Вінниця)

УДК81' 367: 070.41

**ІНФРАСТРУКТУРНІ КОМПОНЕНТИ РЕЧЕННЯ
ЯК ЗАСІБ ЕКСПРЕСІВІЗАЦІЇ МОВИ УКРАЇНСЬКИХ РЕГІОНАЛЬНИХ ГАЗЕТ**

У пропонованій статті проаналізовано метатекстові елементи, якими є звертання, вставні та вставлені одиниці як засоби експресивізації мови українських регіональних газет. Простежено нові тенденції в комунікативно-прагматичній організації української регіональної періодики, зумовлені уживанням названих інфраструктурних компонентів, визначено їхні стилістичні вияви. Установлено специфічні способи структурно-граматичного та функційно-стилістичного візноманітнення звертальних форм, вставних та вставлених слів, словосполучень і речень. Доведено, що їхня природна своєрідність полягає у підпорядкуванні завданням ефективної комунікації, зокрема потребі своєчасного розширення інформації, її конкретизації, що полегшує сприйняття, розуміння висловленого, і водночас необхідності реалізації суб'єктивних інтенцій журналістів, покликаних швидко, словесно не обтяжливо впливати на читацьку аудиторію експресивними засобами мови.

Ключові слова: звертання, вставні одиниці, вставлені компоненти, комунікативно-прагматична функція, стилістичний вияв, засоби експресивізації, мова сучасної регіональної періодики.

Постановка наукової проблеми. У лінгвістиці останніх десятиліть значно поживилося дослідження реченневих елементів «модифікаційно-супровідного (інфраструктурного) рівня» [6, с. 3] – звертань, вставних та вставлених одиниць як досить об'ємних, виразно індивідуальних і достатньо типових засобів мовного вираження думок, почуттів. Зацікавлення ними постало у зв'язку з новими концепціями, зорієнтованими на вивчення загальнонаукової проблеми «людина в мові» або «мова в дії», коли акцентують на діяльній сутності людини, яка повідомляє про факти чи події, реагує на них, по-своєму вербалізує почуття і бажання в процесі пізнавальної діяльності, словесно формує поняття, думки, висновки, спонукає співрозмовника до дії тощо [16,